

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.7)

Научная статья

УДК 101

doi: 10.18522/2070-1403-2025-109-2-2-9

ФЕНОМЕН «RESSENTIMENT» РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ «РУССКОЙ ИДЕИ»

© *Александр Иванович Бобков¹, Алексей Викторович Агеев²*

¹*Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия;* ²*Читинское суворовское военное училище МВД России, г. Чита, Россия*

¹*iab71@inbox.ru* ²*ageevalex@yandex.ru*

Аннотация. Исследуется трактовка русского национализма как практики «ressentiment». Представлен сравнительный анализ рационального и иррационального подходов к феномену этнокультурной субъектности как выражению гомеостатического состояния этносоциальной системы. Сделан вывод, что рациональная трактовка нации не является единственной этносоциальной моделью общества после восстания масс. Показано, что в рамках перехода из общества преמודерна в общество модерна сохранение этнокультурной субъектности как предотвращения конца социального является доказательством того, что русская идея является иным проектом модерна, продолжающимся и сегодня как утверждение возможности критического восприятия вообще всякого модерна.

Ключевые слова: национальная идея, нация, русская идея, ressentiment, этнокультурный субъект, модерн, контрмодерн, философия истории, социальное изменение, культурное многообразие.

Для цитирования: Бобков А.И., Агеев А.В. Феномен «ressentiment» русского национализма в контексте «русской идеи» // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 109. № 2. С. 2-9. doi: 10.18522/2070-1403-2025-109-2-2-9.

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.7)

Original article

The phenomenon of «ressentiment» of Russian nationalism in the context of the “Russian idea”

© *Alexander I. Bobkov¹, Alexey V. Ageev²*

¹*East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation;*

²*Chita Suvorov Military College of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chita, Russian Federation*

¹*iab71@inbox.ru* ²*ageevalex@yandex.ru*

Abstract. The interpretation of Russian nationalism as a practice of "ressentiment" is investigated. A comparative analysis of rational and irrational approaches to the phenomenon of ethnocultural subjectivity as an expression of the homeostatic state of the ethnosocial system is presented. It is concluded that the rational interpretation of the nation is not the only ethnosocial model of society after the uprising of the masses. It is shown that within the framework of the transition from a pre-modern society to a modern society, the preservation of ethnocultural subjectivity as a means of preventing the end of the social is proof that the Russian idea is a different project of modernity, which continues today as an affirmation of the possibility of critical perception of any modernity in general.

Key words: national idea, nation, Russian idea, ressentiment, ethnocultural subject, modernism, countermodernism, philosophy of history, social change, cultural diversity.

For citation: Bobkov A.I., Ageev A.V. The phenomenon of «ressentiment» of Russian nationalism in the context of the “Russian idea”. *The Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 109. No 2. P. 2-9. doi: 10.18522/2070-1403-2025-109-2-2-9.

Введение

Анализ пути в общество модерна в социальной философии не имеет однозначных трактовок. Есть одномерная концепция такого пути, есть многомерная. Она тесно связана с философскими трактовками истории – монизмом и многообразием. Если верить формационному подходу К. Маркса или до него линейной модели исторического процесса Г. Гегеля, то путь модернизации во всех обществах один. Он не имеет альтернативы. Так ли это на самом деле? Возможно и не так. Достаточно вспомнить сторонников цивилизационного или культурологического подходов, чтобы понять суть исторического процесса не как одномерного пути, а как единства в многообразии – многообразии самобытности, многообразии современности, цветущей сложности (К.Н. Леонтьев). Здесь вполне резонно вспомнить слова Н.Я. Данилевского, утверждавшего, что «мысль о какой-либо самостоятельной цивилизации вне германороманских, или европейских, форм культуры, принимаемых за общечеловеческие, выработанные всей предыдущей историей, заключается, сказал я, в неправильном понимании самых общих начал исторического процесса и в неясном, туманном представлении об историческом явлении, называемом прогрессом» [8, с. 75].

Обсуждение

Примечательно, что критическое осмысление модерна Запада привело к обоснованию исторического и культурного многообразия социального бытия. Через отрицание универсализма западного пути в модерн русские мыслители стали предтечами и основателями культурологического подхода в философии истории. Одновременно с этим ими было предложено понимание того, что европейская рациональность, порождающая унифицированный национализм, является выражением тупиковой миссии «белого человека». Русская философия истории строится на том, что рациональность в истории зачастую является легитимацией мифа превосходства европейских наций над не западными народами. При этом никто не показал, что их универсальность «существует в философии и социальной науке» [14, с. 131].

Отсюда для глубокого методологического понимания специфики историософского смысла русской идеи необходимо утверждать, что она ставит знак вопроса там, где европейский квазирелигиозный национализм утверждает универсальность нации как существующую. С позиций культурологии русская идея трактуется как противостоящая национализму, поскольку последний разрушителен для культурного плюрализма.

Национализм есть прогресс для Европы в силу того, что он обеспечил некую консолидацию обществ, вытащив их из бесконечного числа религиозных войн. Как отмечает В.П. Визгин: «Растянувшиеся на двести лет попытки объединения Европы с помощью межконфессионального синтеза и примирения (от Николая Кузанского и Бруно до Лейбница) привели к полному разочарованию в них, а вместе с тем и в религии вообще. В результате фокусом упований европейца стал не религиозный, а научно-технический универсализм» [5, с. 140].

Однако как быть с Россией, когда она в этих религиозных войнах не участвовала? Все войны, которые вела Россия носили скорее характер столкновения цивилизаций, и их религиозный смысл был совершенно иным, нежели в Европе. Это войны были освободительные или войны за суверенитет православных народов и других наций, но не как ни религиозные войны, шедшие в Европе. Россия не знала протестантизма и католицизма. Ее русская идея идет из иных истоков. Как отмечал А.С. Панарин: «Драма нашей идентичности связана с тем, что она с самого начала носила не натуралистический характер, не довольствовалась личностями этнического, географического и административнодержавного толка, а являлась по преимуществу ценностнонормативной, духовной» [10, с. 43].

Она пришла как национальная идея намного раньше, а не в эпоху национализма с его идеей превосходства. Здесь трудно не согласиться с С.П. Баньковской, утверждающей, что «Принципиальность различия заключается в следующем: если нация как основа национального государства (national state), это, безусловно, главный побочный продукт политической модернизации, то национализм как идеология не связывается напрямую с нею и может существовать до и вне всякого модерна» [1, с. 141].

Еще одной специфической чертой русского национального пути является тот факт, что для нас не существовало практики истребления и покорения народов, основанной на рациональном обосновании их неполноценности физического и символического характера. В данном случае под символическим истреблением имеется в виду то, что этнокультурный супер-текст религиозного характера преследовался в Европе как ересь. Христос «не говорил» с немцами по-немецки, с французами по-французски. В то время как в России он «говорил» изначально по-славянски, то есть понятно. Это важный момент предполагающий, что почва для гражданской религиозной войны изначально в России была исключена. Хотя есть русский раскол. Однако его исток и смысл заключался в том, что богатство русских раскольников было основано не на тех идеях, нежели богатство буржуа-протестантов.

Иное дело тогда, когда все же квазирелигиозный посыл гражданской войны состоялся. Однако он выразился в том, что «новоязы» приступили как раз к истреблению традиционно сакрального православного супер-текста [10, с. 43–44]. Иная перспектива исторического развития во многом ведет нас к пониманию того, что русская идея пытается не возглавить прогресс, как это делает любая европейская идея нации, а наоборот, остановить его как одномерный процесс создания одномерного человека.

Как справедливо отмечал А.В. Гулыга: «Только за счет того, что потери считались меньшими, чем приобретения, идея прогресса жила. Сегодня баланс потерь и приобретений грозит обернуться дефицитом последних: человечество теряет больше, чем приобретает. Потери столь велики, что мысль о превосходстве над прошлым теряет смысл, – возникает желание вернуться назад, не теряя, разумеется, положительных приобретений нашего времени» [7, с. 11].

Прогресс социального заключается в двух измерениях. В измерении освобождения индивида от потребности в солидарности, как самоинтеграции (внутренней), и внешней, как части этнокультурной субъектности. И наоборот, в освобождении от индивидуализированного не соборного начала в человеке, как тупике.

В измерении освобождения индивида от потребности во всякой солидарности таится могущество власти ростовщика-буржуа над социальным. Именно бессубъектная механистическая социальность является целью этого типа буржуа с его идеологией контрмодерна для остальных. Такой путь важен в силу того, что именно он создает национализм ростовщического типа, а затем этноархаические нации контрмодерна. Так возникает иерархия исторических времен и культур.

Культура ростовщического модерна ставится выше культуры критического модерна и культуры традиционного общества, еще не приобщенного к этноархаическому контрмодерну. Именно в этом таится непринятие русской идеи как практики приобщения к модернизации при помощи религии, а не ее отрицания. Религия в рамках русской идеи означала, что «Приобщение к модерну означает приобщение не к непогрешимым образцам, а к самой способности творческой рефлексии, готовой быть инвестированной в социальный «капитал роста», в процесс общественных новаций. Поэтому в тот самый момент, когда вам предлагают позицию догматической зубрежки и слепого копирования текстов, форм и учреждений, в которых якобы уже воплотился «совершенный модерн», вас на самом деле переводят из школы модерна в школу копировальщиков древнекитайского образца» [11, с. 24].

В этой иерархизации несогласие с ней обозначается как тупик или зависть. Интеллектуалы в данном случае задают эту структуру, чтобы вычеркнуть все нежелательные практики консолидации, кроме наукообразного национализма. Ярлык зависти, приклеенный ко всем традициям консолидации иного характера, направлен на то, чтобы практика, например, религиозной или другой консолидации не могла быть воспринята как равноценная научному конструированию. Как заметил П. Фейерабенд: «Однако дайте этим жертвам немного больше сил, воскресите их собственные традиции, и это кажущееся превосходство господствующей традиции развеется как сон (хороший или дурной – в зависимости от традиции)» [13, с. 10–11].

Однако если это зависть масс буржуа, то это один *ressentiment*. Власть социального конструкта является тем самым прогрессом, где индивид одинок настолько, что его зависть и является тем двигателем для идеи нации. В данном случае идея нации стремится к тому, чтобы масса перестала завидовать буржуа, консолидируясь с ним в политической экспансии ухода от идеи культуры к идее цивилизации. У О. Шпенглера об этом сказано так: «Культура и цивилизация – это рожденный из ландшафта и сложившийся из его окостенения механизм. Человек культуры живет внутренней жизнью, цивилизованный человек – внешней, в пространстве, среди тел и «фактов». Что один ощущает как судьбу, другой понимает как взаимосвязь причины и следствия. Отныне каждый оказывается материалистом в присущем только цивилизации смысле, безотносительно к тому, хочет он этого или нет, независимо от того, прилаживаются ли буддистское, стоическое, социалистическое учения к религиозным формам или нет» [17, с. 539].

Второе измерение есть измерение, предлагающее модернизацию через этнокультурную субъектность. В ней нет зависти, в ней нет массы, в ней нет нации. Потому что в ней есть национальная идея религиозного типа. Для нее важно то, что называется преемственностью, а не превосходство, целостность, а не дефрагментация. В этом измерении национального, предлагаемом русской идеей, народ, как субъект входит в модерн и постмодерн как некое превосходящее индивида и массу социальное органического характера. Для него нация временное построение, а не вечное бытие. Русская идея направлена на преодоление состояния поглощения национальной идеи идеей нации. Это не зависть. Это несогласие со структурой, предложенной теми, кто смешал национальную субъектность с нацией.

Русская идея отчетливо показывает то методологическое недоразумение, высказанное К. Хюбнером. Он утверждал: «Так и не было осознано, что феномен нации никоим образом не является открытием девятнадцатого столетия, но издревле составлял субстанциальную основу государств, не исключая – вопреки расхожему и ошибочному мнению – античности и Средневековья» [15, с. 9].

В связи с этим в контексте этнокультурной субъектности русской идеи можно говорить об ином измерении истории нежели западоцентричном. Это можно сделать, если развести порознь национальную идею и идею нации [2, с. 73]. Однако оценки русского национального самосознания все время проводятся большинством авторов по западоцентричному образцу. Его суть заключается в том, что пути в модерн для народа нет, а для нации он есть. Так предначертано алгоритмом социальной истории западного производства. В нем утверждается тот факт, что исторически национализма избежать нельзя, но и альтернативного национализма выработать невозможно. Идею нации можно только позаимствовать, чтобы через подражание войти в состояние модерна, дать буржуа шанс выйти на историческую арену.

Любая попытка унизить буржуа или не дать ему шанса быть меньшинством, выражающим волю всей нации, является дурным тоном. Так, в лоне конструктивизма А.Н. Мельников утверждал: «В поисках смысла своего бытия Россия постоянно заимствует сюжеты, увиденные на европейской сцене и отражающие жизненные устремления других народов, «приноравливая» их к собственному способу существования. Для того чтобы понять специфические причины подобного смыслопорождения, надо учесть, что обычно смысл существования открывается субъекту в его рефлектирующей деятельности, когда рефлексия внутреннего во внешнее соединяет обособленные абстрактные определения частей социального субъекта в смыслообразующую целостность» [9, с. 45].

Народ через отказ от нации в пользу этнокультурной субъектности прорывается в модерн в качестве социального субъекта. Однако для буржуа это опасно, ведь нация ему необходима для покорения культуры цивилизацией. Иначе индивид исчезает. Расколдованный мир становится такой же картиной мира, как мир религиозный, мифологический и философский. Историческое время народа в модерне также равно времени премодерна или постмодерна. В нем нет смерти для народа. Соборное «Мы» русской идеи вполне способно не склониться пред массой-нацией.

Однако буржуа требуется эту историческую альтернативу без нации дискредитировать. Для этого и осуществляется связь национальной идеи (русской идеи) с *ressentiment* (Л. Гринфельд). Идея нации у Л. Гринфельд импортируется в связи с тем, что сами русские не в состоянии ее предложить. Не случайно Л. Гринфельд утверждает, что для «...каждого общества, импортировавшего идею нации, центром внимания непременно становился источник импорта – объект подражания по определению, – и оно реагировало на этот источник. Поскольку в собственном восприятии подражателя образец был лучше подражания – это подражается в самом понятии образца, – то связь между образцом и подражанием скорее подчеркивала несовершенство подражателя, и реакция на источник заимствования обычно принимала форму *ressentiment* (чувство ненависти, злобы и обиды)» [6, с. 19–20].

Можно ли с этим согласиться? Некоторые исследователи соглашались с тем, что сепаратистским квазиэтносам удастся, заимствуя идею нации, перенести *ressentiment* на тот этнокультурный субъект, от которого они стремятся отделиться в силу того, что он – народ, а не нация. В данном случае мы имеем в виду русофобию постсоветского типа. Русофобия является частным примером того, что нация, искусственно сконструированная, боится народа. Это скорее этнофобия нации-государства [3, с. 167].

Современная постмодернистская нация-государство на пространстве бывшего СССР в рамках отказа в этнокультурной субъектности русским действительно может испытывать ненависть к ним как этнонации в силу того, что ее конструктивное начало исходящее из европейской цивилизации утвердиться в качестве мобилизующего национализма не может. Ее самоутверждение через разрушение этнокультурной идентичности русских утвердиться не может [4, с. 10].

Поэтому утверждение о заимствованном характере идеи нации-государства направлено на то, чтобы обеспечить вненациональное существование российского государства и впредь. Государство, подавляющее этнонацию как этнокультурного субъекта, в данном случае приводится в качестве обреченного на то, чтобы полагать, что национализм в России обозначен как зависть одних другим. Не случайно в русской литературе М. Шелер увидел то, что позволяет показать тот факт, что *ressentiment* и был основой русской идеи в литературе. В частности, он отмечает: «Ни одна литература так не переполнена ресентиментом, как молодая русская литература. Книги Достоевского, Гоголя, Толстого просто кишат героями, заряженными ресентиментом. Такое положение вещей – следствие многовекового угнетения народа самодержавием и невозможности из-за отсутствия парламента и свободы печати дать выход чувствам, возникающим под давлением авторитета» [16, с. 50].

В этом высказывании М. Шелера есть двойное указание. С одной стороны, русская этнокультурная идентичность формирует русский народ не как народ-государство, а как народ-этнокультурного субъекта. Здесь примордиализм русской идеи ярко выражен, как идеи культуры, а не цивилизации. Государство-нация здесь подвергается ненависти как раз в силу того, что заимствует идею нации извне, отказывая народу в реализации русской идеи.

С другой стороны, ненависть к самодержавию в русской литературе, это ненависть как раз к тому, что самодержавие ушло от православного соборного дискурса в сторону католико-протестантского суверена. Подражательный завистливый псевдо-национализм ксенократического характера действительно может быть назван национализмом ресентимента. Он является тупиком и ничего нации народу не дает в силу того, что этнонация имеет культурное начало.

Русская идея – это идея культуры. Не случайно В.Н. Сагатовский отмечал: «...нация это прежде всего культурная общность. Прежде всего в том смысле, что именно культурная идея задает целостность и специфику нации во всех ее основных проявлениях» [12, с. 39]. Кроме того, русская литература, испытывавшая влияние западничества и заимствованной идеи нации, признавала отставание России от Запада и искала виновного в лице символа русской самобытности, самодержца. Как пишет Л. Гринфельд: «Склонность искать утешения в равенстве по различиям, не важно в достоинствах или в бедах, надолго не сохранилась, потому что равенства этого не было. И тогда она сменилась *ressentiment*, отрицанием Запада. Зависть и

осознание своей слишком очевидной и потому невыносимой отсталости лежали в основе этого чувства [6, с. 224–225].

Однако если убрать все эти хронологические и политические изыскания западных исследователей национализма, то следует заметить, что проблема русской идеи заключается как раз в том, что она возникла одновременно скажем с философией немецкой нации в эпоху романтизма. И никакого отставания, о коем свидетельствует Л. Гринфельд, или ненависти к самодержавию в ней нет. Скорее всего и Л. Гринфельд, и М. Шелер пытаются найти объяснение нерусскости национализма, создающего государство-нацию в России тем, что ничего от этнокультурной субъектности в их идеях нет. Нет по причине того, что они не связаны с религией. Их религии не создают этнокультурные субъектности. Причина в том, что христианская идея человечества в рамках католицизма и протестантизма все-таки признала рабство и превосходство. В православии именно это акцент никогда не являлся главным. Следует заметить, что здесь идея равенства в соборности была основополагающей. Не случайно А.В. Гулыга отмечал: «Православная религия сразу ставит верующего в ситуацию ноуменального мира, требует вести себя вопреки эмпирии» [7, с. 19].

Выводы

В связи с тем, что русская идея является выражением трансцендентальности русской этнокультурной субъектности, нам необходимо понять в ней еще один важный момент, а именно ее упование на духовное богатство прошлого, как на содержащее этнокультурную субъектность. Нация же уповает как раз на тотальное превосходство над прошлым через объективацию и рационализм, как обеспечивающие интеллектуальную привлекательность его экспансии. Сомнение в прогрессе, основанном на утверждении наличия универсальности в истории, составляет суть русской идеи по причине того, что она основана не на идее догнать Запад и опередить его по пути прогресса. Поэтому полагать русский национализм, как основанный на зависти Западу, является, с одной стороны, положением отсутствия в нем возможности для критического рассмотрения западного модерна. С другой стороны, такой национализм следует обозначать как национализм, не имеющий отношения к русской идее.

Национализм зависти создает этноархаическую русскую нацию. Нацию не способную противостоять русской идее, смысл которой заключается в том, чтобы не полагаться на линейное понимание истории. Русская идея не согласна с тем, что можно чем-то заменить религию. Этноархаическая нация же соглашается на то, чтобы «...заменить ее наукой, нацеленной на земное обустройство человека с помощью, зависимой от нее техники. Этот проект, выдвинутый Р. Декартом, Ф. Бэконом и другими, и стал проектом нового времени, или модерна» [5, с. 140.].

Поэтому концепция русского пути в модерн, основанная на идее самобытности, утверждает, что социальная самодостаточность исключает зависть к другим. А если такая зависть возникает, то это либо ошибка, либо намеренное искажение понимания русской модели модернизации. Скорее всего русская идея является путем к другому модерну.

Список источников

1. Баньковская С.П. Свой, Другой, Чужой: Бенедикт Андерсон и социологическое измерение национализма // Вопросы национализма. 2019. № 1(32). С. 143–161.
2. Бобков А.И. Религиозный опыт и этническое самосознание в современных обществах. Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД России, 2009. 151 с.
3. Бобков А.И. Фобия этноса: социально-философская реконструкция генезиса // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 1(84). С. 167–171.
4. Буйло Б.И. Национальная идея в философской и социально-политической мысли России // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 9–18.

5. *Визгин В.П.* На пути к другому: От школы подозрения к философии доверия. М.: Языки славянской культуры, 2004. 800 с.
6. *Гринфельд Л.* Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.
7. *Гулыга А.В.* Русская идея и ее творцы. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 448 с.
8. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
9. *Мельников А.Н.* Загадки русской субъектности. Опыт деструкции и деконструкции смыслообразующих этносоциальных текстовых стратегий // Известия Алтайского государственного университета. 2000. № 4(18). С. 45–50.
10. *Панарин А.С.* Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.
11. *Панарин А.С.* Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: ИФ РАН, 2005. 188 с.
12. *Сагатовский В.Н.* Русская идея: продолжим ли прерванный путь? СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994. 217 с.
13. *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе. М.: АСТ, 2009. 378 с.
14. *Флишберг Б.* Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 127–136,
15. *Хюбнер К.* Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон+, 2001. 400 с.
16. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. 231 с.
17. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 663, [1] с.

References

1. *Bankovskaya S.P.* Ours, Other, Alien: Benedict Anderson and the Sociological Dimension of Nationalism // Questions of Nationalism. 2019. No. 1 (32). P. 143–161.
2. *Bobkov A.I.* Religious Experience and Ethnic Self-Awareness in Modern Societies. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. 151 p.
3. *Bobkov A.I.* Phobia of Ethnos: Social and Philosophical Reconstruction of Genesis // Bulletin of the Irkutsk State Technical University. 2014. No. 1 (84). P. 167–171.
4. *Buylo B.I.* National Idea in Philosophical and Socio-Political Thought of Russia // Humanitarian and Social Sciences. 2020. No. 2. P. 9–18.
5. *Vizgin V.P.* On the way to another: From the school of suspicion to the philosophy of trust. M.: Languages of Slavic culture, 2004. 800 p.
6. *Grinfeld J.L.* Nationalism. Five paths to modernity. M.: PER SE, 2012. 528 p.
7. *Gulyga A.V.* Russian idea and its creators. M.: Eksmo Publishing House, 2003. 448 p.
8. *Danilevsky N.Ya.* Russia and Europe. M.: Kniga, 1991. 574 p.
9. *Melnikov A.N.* Riddles of Russian subjectivity. Experience of destruction and deconstruction of meaning-forming ethnosocial text strategies // Bulletin of the Altai State University. 2000. No. 4 (18). P. 45–50.
10. *Panarin A.S.* Orthodox civilization. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2014. 1248. P. 11.
11. *Panarin A.S.* Russian culture facing the challenge of postmodernism. M.: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2005. 188 p.
12. *Sagatovsky V.N.* Russian idea: shall we continue the interrupted path? St. Petersburg: TOO TK “Petropolis”, 1994. 217 p.
13. *Feyerabend P.* Science in a free society. M.: AST, 2009. 378 p.

14. *Flyvberg B.* Habermas and Foucault – theorists of civil society // Sociological studies, 2000. No. 2. P. 127–136,
15. *Hübner K.* Nation: from oblivion to revival. M.: Canon+, 2001. 400 p.
16. *Scheler M.* Resentment in the structure of morals. St. Petersburg: Nauka, University Book, 1999. 231 p.
17. *Spengler O.* The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History. 1. Gestalt and Reality. Moscow: Mysl, 1993. 663, [1] p.

Статья поступила в редакцию 29.01.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 29.01.2025; approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 14.02.2025.